

УДК 94[(474.5)+(476)]

**ДЕЛО ЯКОВА ГИНЮША (1616-1617):
«НАГАНА» ШЛЯХЕТСТВА, «НАВЯЗКА»
И ГРАНИЦЫ ВЫВОДА**

Красинский И.В.

В статье рассматривается дело Якова Гинюша против Мартина Эйсмонта, возникшее после избияния жены и малолетнего сына Гинюша 20 января 1616 г. и завершившееся решением Гродненского земского суда 25 октября 1617 г. На основании текстологического сопоставления редакционного примечания издания 1865 г. с самим судебным актом уточнены размеры присужденной «навязки» и срок заключения: в постановляющей части названы 70 коп грошей жене, 40 коп ребенку и 24 недели пребывания в Гродненском замке, тогда как примечание сообщает о 80 копах. Показано, что ссылка ответчика на шинкарство семьи Гинюша служила не самостоятельной процедурой «наганы» шляхетства, а способом добиться расчета возмещения по нормам для простых людей. Суд не проводил отдельного генеалогического вывода, однако удовлетворил требование о шляхетской «навязке», тем самым признав статус истца в пределах конкретного разбирательства. Дело позволяет провести границу между формальным доказательством происхождения и разрешением статусного вопроса внутри обычного процесса о побоях.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, шляхта, вывод шляхетства, нагана шляхетства, навязка, Гродненский земский суд, Яков Гинюш, Мартин Эйсмонт.

**THE CASE OF YAKOV GINYUSH (1616-1617):
THE CHALLENGE TO NOBLE STATUS, NAVIAZKA,
AND THE LIMITS OF PROVING NOBILITY**

Krasinski I.V.

The article examines the case of Yakov Ginyush against Martin Eismont, which arose after the beating of Ginyush's wife and infant son on 20 January 1616

and ended with a decision of the Grodno Land Court on 25 October 1617. A textual comparison of the 1865 editorial note with the judicial record itself clarifies the compensation and term of detention: the operative passage awards 70 kopas to the wife, 40 kopas to the child and 24 weeks in Grodno castle, whereas the editorial note reports 80 kopas. It is shown that the defendant's reference to the family's tavern activity was not an independent formal challenge to nobility but an attempt to have compensation calculated according to the rules applicable to commoners. The court did not conduct a separate genealogical proof of origin, yet it granted noble-status compensation (*naviazka*) and thus recognized the claimant's status within the limits of this particular dispute. The case therefore makes it possible to distinguish formal proof of nobility from the resolution of a status issue within ordinary litigation concerning bodily injury.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, nobility, proof of nobility, challenge to noble status, *naviazka*, Grodno land court, Yakov Ginyush, Martin Eismont.

Проблема доказательства шляхетства в Великом Княжестве Литовском (ВКЛ) обычно рассматривается через специальные нормы права: обвинение в нешляхетском происхождении, обязанность подтвердить родство, представление свидетелей и последствия неудачного «вывода». Такой подход необходим, но он охватывает только наиболее формализованную сторону вопроса. В судебной практике происхождение могло становиться предметом спора и без отдельного процесса о шляхетстве. Достаточно было, чтобы одна из сторон связала размер взыскания, допустимость требования или саму процессуальную позицию противника с его сословной принадлежностью. Тогда статус обсуждался внутри дела о побоях, имуществе, наследовании либо чести, а решение суда не всегда принимало форму самостоятельного признания шляхетства. Именно к таким случаям относится разбирательство между Яковом Гинюшем и Мартином Эйсмонтом.

Ранние упоминания о сомнениях в происхождении и необходимости доказывать принадлежность к привилегированному сословию известны по

книгам Метрики Великого княжества Литовского конца XV – начала XVI вв. Они показывают, что обвинение затрагивало не отвлеченную родословную, а возможность пользоваться конкретными правами и сохранять общественную репутацию [5, р. 135, 141-142, 145, 345-346]. В «Уставе о выводе шляхетства за примовую» 1507 г. разрозненная практика получила более определенное правовое выражение, позднее развитое в Статутах ВКЛ [4, с. 277]. К концу XVI в. стороны могли оперировать уже устойчивым набором понятий и процедур. Однако наличие нормативной модели не означает, что каждый спор о статусе проходил по ней полностью. Судебная запись могла содержать только отдельные элементы «наганы» и «вывода», подчиненные основному предмету иска.

В историографии этот промежуточный уровень замечен слабее. М.К. Любавский, описывая социальную структуру ВКЛ, обращал внимание на сближение части мелкой шляхты с крестьянской средой и на размытость внешних различий между отдельными группами населения [2, с. 123-126]. Для изучения вывода шляхетства это наблюдение имеет значение, но его нельзя механически переносить на каждый судебный казус. Сходство образа жизни еще не означало утраты юридического статуса. Напротив, именно несовпадение внешних признаков и правового положения создавало почву для конфликтов. Занятие торговлей, проживание в городе или отсутствие заметного имущества могли использоваться противником как довод, хотя сами по себе не заменяли доказательства происхождения.

Цель статьи состоит в том, чтобы определить, каким образом вопрос о шляхетском статусе был включен в дело Гинюша и какие выводы действительно допускает текст источника. Для этого применяются источниковедческий, историко-правовой и сравнительный подходы. Вначале сопоставляются редакционное описание акта и его постановляющая часть, затем реконструируются позиции сторон, после чего судебное решение сравнивается с той моделью «вывода», которая известна по законодательству и более ранним материалам. Такой порядок важен, поскольку прежние варианты

интерпретации дела опирались преимущественно на краткое примечание издателей, а не на весь опубликованный текст. В результате дата решения, размеры «навязки» и срок заключения оказались переданы неточно.

Основным источником является акт Гродненского земского суда, опубликованный в первом томе «Актов Виленской археографической комиссии». Издатели поместили его под заголовком «Определение Гродненского земского суда по делу о побоях, нанесенных помещиком Мартином Эйсмонт жене дворянина Якова Гинюша и грудному дитяти его» [1, с. 286]. Уже заголовок задает основную квалификацию: перед нами дело о побоях, а не отдельное производство о происхождении. В редакционном примечании сообщается, что Эйсмонт вместо оправдания доказывал нешляхетство Гинюша, ссылаясь на «подложное прозвание» и торговлю напитками в шинке, а суд якобы взыскал 80 коп грошей за жену и 40 коп за ребенка [1, с. 286]. Это примечание полезно как краткий путеводитель, но оно не совпадает с постановляющей частью акта и потому не может подменять ее.

Хронология дела состоит из нескольких дат. Нападение, согласно жалобе, произошло 20 января 1616 г. в местечке Крынки, в доме крынского мещанина Ивана Барановича. 24 января того же года заявление о побоях было внесено в гродненские гродские книги вместе с освидетельствованием ран. Земский суд рассмотрел спор 25 октября 1617 г. [1, с. 286–289]. Следовательно, 1616 г. является датой события, но не датой судебного решения. Указание только одного года скрывает продолжительность процесса и создает впечатление немедленного приговора. Более точным будет обозначение дела как разбирательства 1616–1617 гг.

Истцом выступал господарский земянин Гродненского повета Якуб Базилевич Гинюш. Вместе с ним в суде была названа его жена Параска Дошанка; малолетний сын в тексте позднее назван Матеем. Ответчиком являлся Мартин Петрович Эйсмонт. По версии Гинюша, Эйсмонт без причины избил его жену палкой и ранил находившегося у нее на руках грудного ребенка. Жалоба подчеркивала тяжесть повреждений: жена и сын якобы «ледво живы

зостали». Для доказательства истец представил выписку из гродненских гродских книг с первоначальным заявлением и признанием возного Григория Миткевича об осмотре ран [1, с. 287]. Важен уже этот набор доказательств. Суд разбирал конкретный эпизод насилия на основании официальной записи и освидетельствования, а статусный спор возник позднее, в ходе возражений ответчика.

Защита Эйсмонта строилась последовательно и не сводилась к одной «нагане». Сначала его представитель возражал против надлежащего направления позова, поскольку он был положен на имение матери ответчика. Затем была предложена иная версия происхождения ран: будто бы Гинюш ранее обвинял в побоях крынского мещанина Андрея Яновича и уже заключил с ним соглашение. Только после этих процессуальных и фактических доводов появился аргумент о сословном положении. Представитель Эйсмонта заявил, что Гинюш в Крынках жил «у стодоле» и вместе с женой занимался шинком. Из этого выводилось, что он не может взыскивать шляхетскую «навязку», а возмещение должно быть назначено «яко люден простым» [1, с. 287-288]. Следовательно, спор о шляхетстве был частью более широкой стратегии уменьшения ответственности.

Ссылка на шинкарство имела вполне определенную процессуальную цель. Ответчик не просил суд открыть самостоятельное производство о происхождении Гинюша и не представлял родословных доказательств. Он стремился доказать, что к потерпевшим должна применяться более низкая ставка возмещения. В тексте названы разд. III, арт. 26 и разд. XII, арт. 6 Статута, причем второй из приведенных ответчиком аргументов связывал шинкарку с «навязкой» в пятьдесят грошей [1, с. 288; 3]. Насколько точным было такое толкование нормы, из одной записи установить трудно. Для истории процесса важнее другое: экономическое занятие использовалось как заменитель сословного доказательства. Внешний образ жизни предлагалось признать достаточным основанием для изменения правовой квалификации потерпевших.

Ответ Гинюша показывает, что он хорошо понимал смысл этой тактики. Он отделил прежний конфликт с мещанином от нынешнего избиения жены и ребенка, а затем отверг связь между посещением корчмы и утратой шляхетских прав. В опубликованном акте его возражение передано почти полемически: если шляхтич пьет в городе, разве из этого следует, что его можно бить и назначать ему «хлопскую» навязку? Истец просил после принесения присяги взыскать за жену и сына именно шляхетское возмещение [1, с. 288]. Тем самым спор был поставлен не как просьба впервые признать происхождение, а как защита уже предполагаемого статуса от попытки понизить размер удовлетворения.

Земский суд опирался на первоначальное заявление, признание возного и осмотр ран. Параске Гинюшовой была назначена присяга по факту ее побоев и ранения сына. После присяги суд постановил взыскать с Эйсмонта 70 коп грошей в пользу жены и 40 коп в пользу ребенка «водлуг артикулу двадцать сегого розделу одинадцатого», а также обязал ответчика провести 24 недели в Гродненском замке. Эйсмонту разрешили апелляцию в Главный Трибунал [1, с. 288-289; 3]. В постановляющей части нет двухлетнего заключения, нет обязанности публично отозвать оскорбление и нет отдельного решения о происхождении Гинюша. Эти детали не могут быть добавлены на основании общей нормы, если они отсутствуют в акте.

Особого объяснения требует сумма, присужденная жене. Редакционное примечание 1865 г. сообщает о 80 копах и объясняет ее как двойное вознаграждение по сравнению с мужской «навязкой» [1, с. 286]. Однако в самом декрете ясно напечатано: «навезки самой Кгинюшовой коп семьдесят, а сыну ее коп сорок» [1, с. 289]. Возможны редакционная ошибка, неверное чтение рукописи либо попытка составителей привести изложение к ожидаемой нормативной схеме. Имеющийся материал не позволяет выбрать одно объяснение. Поэтому в реконструкции решения следует сохранять 70 коп, одновременно отмечая расхождение. Принципиально важно не исправлять

текст акта по логике примечания: источниковедческая работа начинается именно с фиксации таких несовпадений.

Срок заключения также был существенно преувеличен в предыдущих пересказах. Двадцать четыре недели составляют около шести месяцев, а не два года. Суд направлял Эйсмонта на «сиденье» в Гродненском замке в связи с решением по делу о побоях. Акт не связывает это наказание с отказом публично отозвать «нагану» и вообще не описывает процедуру отзыва оскорбления [1, с. 289]. Поэтому объяснять заключение санкцией за неотозванное обвинение нельзя. Статут действительно содержал нормы о защите чести и о последствиях неправомерных обвинений [см.: 3], но конкретный декрет должен толковаться по его собственному содержанию. Иначе нормативная конструкция начинает заменять судебную практику, хотя задача исследования состоит как раз в их сопоставлении.

Присуждение повышенной «навязки» позволяет говорить о признании шляхетского положения семьи в пределах дела. Ответчик прямо просил взыскать возмещение как простым людям; истец, напротив, требовал шляхетской ставки. Суд удовлетворил вторую позицию и не принял шинкарство как достаточное основание для понижения статуса [1, с. 288-289]. В этом смысле сумма имела не только имущественное, но и сословное значение. Она показывала, какую правовую категорию потерпевших суд использовал при вынесении решения. Однако формулировка «фактическое признание» точнее, чем утверждение о полноценном выводе шляхетства. Суд разрешил вопрос, необходимый для расчета взыскания, но не создал отдельного универсального доказательства происхождения.

Формальная процедура вывода предполагала, что происхождение становится главным предметом рассмотрения. В материалах раннего периода видны требования обосновать родство и подтвердить право называться шляхтичем [4, с. 277; 5, р. 135, 141-142, 145]. В деле Гинюша ничего подобного не зафиксировано. Не названы родственники-свидетели, не перечислены привилегии или старые записи, не вынесена отдельная декларация о

принадлежности рода к шляхте. Даже выражение «нагана шляхетства» принадлежит скорее исследовательскому языку и редакционному пояснению, чем постановляющей части акта. В источнике мы наблюдаем не полный «вывод», а статусный довод, который мог бы привести к нему, если бы суд признал вопрос о происхождении самостоятельным и требующим специальных доказательств.

Это различие меняет оценку поведения Эйсмонта. Его представитель не просто оскорблял противника и не обязательно стремился исключить его из шляхетского сообщества вообще. Практическая задача была уже: уменьшить «навязку» за тяжкие побои. Статусный аргумент оказался финансовым инструментом защиты. Подобная тактика объясняет, почему он был соединен с возражениями о ненадлежащем позве, иной причине ран и прежнем соглашении с мещанином. Каждое возражение вело к освобождению от ответственности либо к сокращению взыскания. «Нагана» в данном случае не являлась отвлеченным спором о чести; она была встроена в процессуальную экономику дела.

Одновременно позиция Гинюша показывает практическую ценность шляхетского статуса. Он защищал не только имя, но и конкретный размер компенсации за вред, причиненный жене и сыну. В этом отношении честь, телесная неприкосновенность и имущество не разделялись полностью. Сословная принадлежность определяла способ оценки повреждения и объем удовлетворения. Поэтому сомнение в шляхетстве было опасно даже тогда, когда не вело к самостоятельному процессу: оно могло изменить материальный результат дела. Нормы о «навязке» делали социальную классификацию измеримой в деньгах, а судебный спор превращал репутацию в доказуемое юридическое обстоятельство.

Аргумент о шинкарстве заслуживает отдельного внимания. Он показывает, какие признаки могли использоваться для бытового распознавания сословия. Жизнь в хозяйственной постройке, продажа напитков и связь с городской корчмой были представлены как несовместимые с претензией на

шляхетскую ставку. Здесь позиция ответчика перекликается с наблюдением Любавского о слабой имущественной границе между частью мелкой шляхты и сельским населением [2, с. 123-126]. Но дело Гинюша не подтверждает утрату статуса из-за бедности или торговли. Напротив, оно показывает, что социальный стереотип требовал судебного преобразования в правовой довод и мог быть отклонен. Суд не признал описанный образ жизни достаточным для назначения «хлопской» навязки.

Вместе с тем нельзя делать из решения вывод о полной автономии права от общественных представлений. Суд не обсуждал допустимость шинкарства для шляхты в общем и не формулировал принцип, по которому занятие торговлей никогда не влияет на статус. Он лишь не принял конкретное доказательство ответчика в конкретном споре. Возможно, значение имели слабость реляции возного, отсутствие доказательств происхождения, официальное именование Гинюша земянином или совокупность этих обстоятельств. Источник не раскрывает мотивировочную часть настолько подробно, чтобы выбрать одну причину. Поэтому корректнее говорить о недостаточности шинкарства как аргумента в данном деле, а не о сформированной судебной доктрине.

Не менее осторожно следует оценивать роль редакторов XIX в. Их примечание сделало акт понятным читателю и верно уловило сословный смысл возражений Эйсмонта. Одновременно оно упростило процесс: сложная защита сведена к доказательству нешляхетства, а сумма в 70 коп заменена на 80. Такая обработка характерна для археографических изданий, в которых заголовки и комментарии создавали интерпретационную рамку. Для исследователя это не недостаток, который позволяет отвергнуть публикацию, а дополнительный слой источника. Необходимо разделять судебную запись XVII в. и объяснение издателей 1865 г., поскольку они отвечают на разные вопросы.

Сопоставление этих слоев дает более сдержанный, но и более содержательный результат. Дело началось как иск о жестоком избиении женщины и младенца. Защита пыталась опровергнуть факт причинения ран,

указать на процессуальные нарушения и снизить возможное взыскание. Для последней задачи использовалась характеристика образа жизни семьи Гинюша. Истец ответил защитой шляхетской «навязки», а суд назначил компенсацию, явно превышавшую названную ответчиком ставку для шинкарки, и заключение в замке [1, с. 287-289]. Таким образом, вопрос о сословии был важен, но оставался подчиненным основному спору.

Рассмотренный казус помогает уточнить само понятие «вывод шляхетства». В широком смысле к нему можно отнести любые ситуации, в которых лицо вынуждено было защищать принадлежность к шляхте. Тогда дело Гинюша действительно является примером включения вывода в повседневную судебную практику. В узком юридическом смысле вывод – это специальная процедура доказательства происхождения, и в таком значении акт 1617 г. ее не фиксирует. Различение двух уровней снимает противоречие. Суд подтвердил возможность пользоваться шляхетской ставкой, но не описал генеалогическое доказательство. Статус был признан функционально, ради решения вопроса о «навязке».

Итоги исследования сводятся к нескольким положениям. Во-первых, событие и решение относятся к разным годам: нападение произошло 20 января 1616 г., а декрет вынесен 25 октября 1617 г. Во-вторых, постановляющая часть сообщает о 70 копах жене, 40 копах ребенку и 24 неделях заключения; данные об 80 копах происходят из редакционного примечания, а двухлетний срок источником не подтверждается. В-третьих, Эйсмонт использовал сомнение в шляхетском положении как средство уменьшить материальную ответственность, связывая его с шинкарством семьи. В-четвертых, суд назначил шляхетскую «навязку», но не проводил отдельного вывода происхождения. Поэтому дело Гинюша следует понимать как статусный спор внутри обычного процесса, а не как завершённую процедуру доказательства шляхетства.

Значение акта состоит именно в этой пограничности. Он показывает, что сословное право действовало не только в специальных делах, но и в повседневных конфликтах, где вопрос о происхождении возникал из расчета

компенсации. При этом судебная практика была менее схематичной, чем позднейший пересказ: она включала несколько линий защиты, присягу, документы гродских книг, осмотр ран, решение о взыскании и право апелляции. Дальнейшее изучение сходных дел позволит установить, насколько часто суды признавали статус функционально, без отдельного генеалогического вывода, и какие бытовые признаки стороны пытались превратить в юридические доказательства.

Список литературы:

1. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 1: Акты Гродненского земского суда. Вильна: Типография А. К. Киркора, 1865. 401 с.
2. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. 2-е изд. М.: Московская художественная печатня, 1915. 401 с.
3. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588: тэксты, даведнік, каментарыі / Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелСЭ, 1989. 573 с.
4. Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów papieskich, cesarskich, królewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. T. 2. Wilno: Drukarnia A. H. Kirkora, 1862. 370 s.
5. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 6 (1494-1506): Užrašymų knyga 6 / Parengė A. Baliulis. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2007. 516 p.

Сведения об авторе:

Красинский Иван Викторович – независимый исследователь, магистр истории (Минск, Беларусь).

Data about the author:

Krasinski Ivan Viktorovich – Independent Researcher, Master of History (Minsk, Belarus).

E-mail: iankrasinski@gmail.com.